

ВЛАДИМИР СНЕГИРЕВ

КАК КАРТА ЛЯЖЕТ

от полюса холода до горячих точек

Если в юности
вытащил этот билет,
то он в один конец.
Обратной дороги нет

Владимир Николаевич Снегирев

Как карта ляжет. От полюса холода до горячих точек

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63956140

Как карта ляжет. От полюса холода до горячих точек / Снегирев

Владимир: Аякс-Пресс; Москва; 2017

ISBN 978-5-94161-788-3

Аннотация

В основу новой книги известного журналиста Владимира Снегирева легли дневниковые записи, которые он делал на протяжении всей своей богатой на приключения жизни. Северный и Южный полюса, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, Египет, Кавказ, Косово и другие горячие точки, встречи с интересными, яркими людьми, откровенные размышления о долге и слабостях, о том непростом выборе, который всем нам приходится делать каждый день.

Владислав Третьяк, Дмитрий Шпаро, Андрей Вознесенский, Федор Конюхов, Юрий Визбор, Олег Ефремов, Эрнст Неизвестный, Михаил Шемякин, Руслан Аушев, космонавты, полярники, главы государств, послы, разведчики, военные – это герои книги и друзья самого автора.

Мемуары ли это? Скорее, протянувшийся на 383 страницы репортаж о жизни. Репортаж местами смешной, местами горький, но потрясающе увлекательный и отлично написанный.

Лауреат Национальной премии «Лучшая книга года-2018»

Трудно поверить, что все это – из жизни одного человека. Когда перевернешь последнюю страницу, сожалеешь, что книга кончилась.

Юрий Батурин, лётчик-космонавт, член-корреспондент РАН.

Вы не замечали, что любопытство заразительно? Если рядом с тобой пытливый, любознательный человек, то тоже как-то невольно ловишь себя на желании узнать что-нибудь новенькое и интересное. Знаю Владимира Снегирева много лет (он, кстати, когда-то давно был моим начальником, и начальником, замечу, добрым), и вот это чувство любопытства в нем не иссякает. Кажется, главное его желание: узнать новое, удивиться и передать это удивление другим. Уверяю вас, из очередной книжки известного журналиста вы тоже узнаете много того, чего раньше не знали, и побежите рассказывать об этом другим. Любопытство заразительно!

Андрей Максимов, член Академии российского телевидения, писатель.

Было бы непростительно не поделиться рассказами о столь удивительной жизни и столь уникальной журналистской карьере. Владимиру Снегиреву по плечу любые жанры. (Из написанных им ранее книг моя любимая – о легенде разведки Борисе Соломатине). Уверен, что и эта его работа станет бестселлером.

Юрий Кобаладзе, ветеран СВР.

Содержание

Глава первая	11
Глава вторая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Владимир Снегирёв

Как карта ляжет. От полюса холода до горячих точек

Автор благодарит за помощь в издании этой книги Татьяну Снегиреву, Василия Сенаторова, Алаудина Парчиева.

Любимым внукам посвящается

*Жизнь – долгая, а проходит так быстро...
Юрий Левитанский*

Если в юности
вытащил этот билет,
то он в один конец.
Обратной дороги нет

В тот день я полез на крышу своего загородного дома, чтобы очистить водостоки от старых листьев. Наверное, я был при этом не в лучшей форме. Май вообще как-то не задался. В самом начале месяца, вернувшись из Китая, я попал в больницу, и меня там еле откачали. Дней десять дер-

жжали под капельницами. Потом, придя в себя, уехал в Каир, где продолжала буйно цвести «арабская весна». Много бегал по разным встречам, много переживал. И вот, вернувшись, затеял бодягу с этой чертовой крышей.

Поставил раскладную лестницу, на глазах у жены полез по ней вверх. И когда ступил на последнюю ступень этой лестницы, то она как-то вяло поехала вбок.

Да, я был явно не в форме. Потому что ничего не сделал для собственного спасения. Лестница поехала вбок, я обреченно поехал вместе с ней. И потом стал падать вниз. Головой и спиной на твердую бетонную плитку. Высота была метров пять.

Сколько раз после этого я с ненавистью вспоминал те мгновения! И каждый раз – странным образом – они превращались в вечность. Слово бы я летел и думал.

Черт подери, думал я, ты так часто реально рисковал своей жизнью – в Арктике и Антарктике, в Афганистане, Ираке, Косово, Сирии, Ливии и в других сильно проблемных местах. Ты мог сорваться со скал на Тянь-Шане, утонуть в Красном море, умереть от жары в Долине Смерти, тебя могли убить на Северном Кавказе, сделать вечным заложником в Иране. Но теперь ты, похоже, бездарно умрешь вот сейчас здесь, на глазах собственной жены, у порога своего дома.

Как странно и несправедливо устроена жизнь, думал я, летя навстречу собственной смерти. И как теперь Таня бу-

дет без меня? И как это нехорошо – умирать на ее глазах. Какие хлопоты доставлю я ей своим падением.

Страха не было, была какая-то обреченность. И досада: уж как-то слабо все это выглядело. Совсем не героически.

Вот и Рамзай, мой верный пес, расстроится, думал я, продолжая приближаться к земле, то есть к гибели.

А отец? Ему девяносто лет, он все еще жив, а я, получается, загнусь раньше. Что он обо всем этом подумает? Как-то я старался по жизни не огорчать своего старого отца.

Продолжалось мое падение с крыши какую-то долю секунды.

Потом я ударился о твердую поверхность.

И умер. Остановилось дыхание. Потерял сознание. Тьма.

Но оказывается, не совсем. Подбежала Таня, стала меня поднимать. Я открыл глаза. Ничего не было – кроме жуткой, страшной, раздирающей все нутро боли. Не мог ни дышать, ни говорить, только хрипел и разевал рот, как выброшенная на берег рыба. Нам обоим было ясно, что все внутри у меня должно быть переломано и перемолото.

Таня втащила меня в дом. Вызвала неотложку.

Как ни странно, врачи приехали очень быстро. Что-то проверили, сделали обезболивающие уколы. В больницу я ехать отказался. Лучшие уж дома отдать концы.

На следующий день в военном госпитале стали делать рентгеновские снимки. Ни одного перелома. Сильные ушибы всех внутренних органов. Но ни одного перелома. Страшные

боли в груди. Но это пройдет, сказали врачи, надо терпеть. Пройдет...

Врачи не понимали, отчего я не умер. И я тоже не понимал.

Иногда потом сожалел: лучше бы я тогда умер. Я мог только лежать или сидеть на мягком. Грудь просто разламывалась. А надо было ходить на работу, ездить в командировки, встречаться с людьми, писать статьи. Я разбился в мае, а в июне и июле поехал в Испанию, потом во Францию, потом в Италию, Турцию. В августе – в Сингапур. Иной раз, в кураже, забывал о боли, работал почти как прежде, но всякий раз она все равно доставала меня.

Почти год продолжалась эта пытка. Следующей весной мне дали справку о нетрудоспособности (вот кошмар-то!), велели себя беречь, а затем прописали сильное лекарство, производимое за границей. Колоть надо было раз в две недели. Правда, каждый раз, чтобы получить это лекарство, следовало идти в районную поликлинику за рецептом, там на рецепт ставили пять печатей, потом предстояло ехать на другой конец Москвы в спецаптеку ну и так далее.

Однако, как ни странно, жизнь снова почти наладилась. Опять пошли командировки: Воронеж, Саратов, Сочи, Львов, Исландия, Турция, Египет, Эстония... Поездки, встречи, статьи...

Но вот что не давало и до сих пор не дает мне покоя. Вот какой вопрос мучит. Для чего судьба оставила меня в

живых? С какой целью? Что я должен сделать еще?

Глава первая

«Агент» невидимого фронта

**Как меня записали в
шпионы. Друзья и предатели.**

**Президент Чехии советует не
сдаваться. Версии и догадки.**

**Начальник разведки Шебаршин.
Журналист с пистолетом.**

Выигранное пари. «Крот» на «Свободе».

**История неудачной вербовки.
В сухом остатке вражда.**

Когда я говорю «Судьба», то это не кокетство и не же-

лание отмахнуться от серьезных размышлений про свою жизнь.

Судьба с малых лет вела меня по жизни сама, не особо спрашивая, куда я хочу. Еще мальчишкой увлекся журналистикой, был юнкором (юным корреспондентом), печатался в молодежных газетах Томска и Кемерова. Потом, естественно, факультет журналистики и сразу – «Комсомольская правда», сразу – корреспондент на знаменитом Шестом этаже по улице Правды, 24, приобщение к элите отечественной журналистики. Встреча с Таней. Афганистан. Первые книги. Аспирантура и защита диссертации. Редакторство в «Собеседнике». Скитания по войнам. Попытка заняться бизнесом, издание журналов. Опять скитания по миру – теперь от «Российской газеты», собкорство в Чехии.

Все складывалось как бы само собой, по какому-то велению свыше.

Я был только рядовым участником или даже зрителем в этих затейливых играх, от меня мало что зависело, просто каждый раз добросовестно, а чаще увлеченно, делал то, что надо было делать в тот или другой момент.

Потом все заканчивалось, занавес закрывался, и это означало только одно: скоро произойдет новое приключение и надо будет играть новую роль.

Фаталист... В Чехии вот сейчас, когда я стучу по клавишам, меня пасет местная контрразведка, подозревая в шпионаже. Пока не выслали, но аккредитацию не продлили.

И это, заметьте, не какие-то северные корейцы, не иранцы, это вполне европейские чехи, которых я всегда уважал и которым посвятил много добрых слов.

Что дальше? Вариантов много. Арест. Высылка. Могут подстроить какую-нибудь гадость. Или как-то обойдется, сойдет на нет. Все может быть.

Сначала я болезненно воспринял это безобразие и стал бороться: пресс-конференции, интервью местным журналистам, заявления... Я переживал: это же явная несправедливость, как же так? А потом успокоился, стал думать по-другому. Надо ли барахтаться? Шпион? Бред, конечно. Но может, это просто сигнал начать другую жизнь? Может, труба зовет куда-то в иные края?

Не знаю. Но тема фаталиста мне нравится. Потому что она правдивая.

*** * ***

Шпион ли я?

А ведь если честно, то несколько лет назад я признался в этом грехе. Причем не кому-нибудь, а собственному внуку.

Дело было так. Вечером позвонила дочь Света из того дальнего зарубежья, где она живет. Мы с ней немного поболтали и уже стали прощаться, как пришел старший внук из школы. Я говорю: «Дай ему трубку, мы хотя бы поздороваемся». К сожалению, эти сорванцы, что старший, что сред-

ний, ни в какую не желают общаться по телефону и по скайпу. Но тут внук, к моему удивлению, без всяких споров согласился поговорить.

– Я тебя люблю, – первым делом, как обычно, заверил я его.

– Я тоже, – охотно откликнулся он, не разводя, впрочем, никаких суси-муси.

И тут же задал вопрос, который поставил меня в тупик.

– А ты был шпионом? – спросил он с явной надеждой на положительный ответ.

Я не был шпионом, но ведь и огорчать мальчика тоже не мог. Как быть? Признаться по международной линии связи в своей шпионской деятельности? Или, напротив, разочаровать пацана?

– Почему ты спрашиваешь? – Я решил потянуть время.

– Дима сказал. – Это он на среднего внука стрелку перевел.

– Ну раз Дима... Да, – решился я на вранье. – Был шпионом.

– А в какой стране ты шпионил?

– Хм...

– Этот вопрос опять загнал меня в тупик. Следовало как-то выкручиваться. Я решился выкручиваться с минимальными потерями. Вот ведь в Афганистане случалось общаться с людьми из разведки. А они, в свою очередь, тоже делились со мной кое-какой информацией.

– Я был шпионом в Афганистане.

Внук тут же отдал трубку Свете и закричал на весь мир:

– Я же говорил! Вова был шпионом! Я же говорил!

Как мало надо ему для счастья.

* * *

Тут надо, наверное, пояснить, каким образом я после всяких скитаний и приключений оказался в центре Европы.

Это опять-таки связано с тем чертовым падением и моими болячками. Когда стало совсем невмоготу, я поехал лечиться в Карловы Вары, знаменитый чешский курорт. Три недели исправно пил там воду и ходил на всякие процедуры.

Кажется, помогло. Ну а раз так, подумал я, то не стоит ли пока притормозить, не искушать временно судьбу, поработать именно здесь, а заодно и здоровье поправить. Начальство пошло мне навстречу. Европа, кстати, к тому времени тоже стала богатой на всякие острые темы: беженцы, терроризм, проблемы внутри ЕС и все такое... Словом, звезды опять совпали в мою пользу. И вот ранней весной 2014 года я приступил к исполнению обязанностей корреспондента в Праге.

Получил, как это и полагается, аккредитацию чешского МИДа, на ее основании мне выдали визу, стал работать. Мне всегда, еще с советских времен, нравилась Чехия, а Прагу считал и продолжаю считать одним из самых теплых городов

мира. И еще у меня есть старое правило: коли приезжаешь надолго в какую-то страну, то, будь добр, относись к ней, к ее народу, ее традициям и обычаям с уважением. Что я и делал исправно. Изучал язык. Встречался с разными людьми. Пропагандой и дезинформацией не занимался. Законов не нарушал. Даже дорожная полиция ко мне, старому хулигану, претензий не имела.

Единственным прегрешением можно было считать статью, в которой я упрекнул здешнюю контрразведку, скопом записывающую в шпионы всякого живущего в Чехии российского человека. Что есть, то есть. Градус шпиономании здесь, увы, стал зашкаливать. И казаки у них агенты, и дипломаты, и бизнесмены... Эти ребята из местных спецслужб договорились до того, что Россия в Европе пытается «реинкарнировать Коминтерн», с тем чтобы затем он порушил европейские ценности.

Ну написал я этот комментарий. Отправил в редакцию. И – вот чудо! – буквально спустя несколько дней меня тоже зачислили в агенты Кремля. Отказали в продлении аккредитации, а местные друзья-журналисты, знающие, что к чему, сразу сказали: это тебе привет от ВИС, нашей контрразведки.

Дальше начались всякие чудеса. Слежка. Взлом квартиры. Прослушивание телефонов. Словом, обычная шпионская рутина.

Не могу признать, что это приключение было приятным. Нет. И сон стал плохим, и выпить все время хотелось – чтобы

снять стресс. Но надо было терпеть. Или сложить лапы, то есть признать за собой вину, или бороться до победы, а победой можно было считать обнуление ситуации, возвращение ее к тому положению, которое существовало до 7 апреля 2016 года.

Временами мне становилось даже интересно. Все-таки выдался уникальный шанс: увидеть, на собственном опыте узнать, как работают институты гражданского общества, насколько независима здесь пресса, насколько могущественны спецслужбы.

Эта ситуация, как лакмусовая бумажка, могла многое прояснить.

Когда торопился на интервью с корреспондентом журнала «Респект», мне навстречу попался коллега Н., представитель российского информагентства. Вот какая удача, подумал я, увидев его, идущего прямо на меня. Сейчас я узнаю, собирается ли это агентство реагировать на провокацию чешских спецслужб, заступиться за российского корреспондента?

– Привет, Н., – сказал я, когда мы поравнялись.

Он промчался мимо, сделав вид, что не услышал.

– Привет – очень громко прокричал я ему в спину.

Он обернулся.

Привет! – буркнул с явным недовольством, махнул рукой и прибавил шаг. Просто побежал.

И что я после этого должен про него думать?

Журналист из «Респекта», он же автор книги про россий-

ских агентов в Чехии, изданной здесь недавно, оказался довольно симпатичным молодым человеком, который ждал меня на условленном месте в кафе «131». Он задавал мне разные вопросы, призванные прояснить ситуацию. И мне, и ему хотелось понять, какие козыри на руках у контрразведки.

– Часто ли вы бываете в российском посольстве? – с надеждой спросил чех.

– Не очень. А точнее, два раза в год: на приемах по случаю Девятого мая и Дня независимости.

Это, кстати, чистая правда. Не жалуют нашего брата дипломаты. Я пару раз стоял у посольских ворот минут по пятнадцать – двадцать, ожидая, когда за мной придет встречающий человек. Это было унижительно. После чего сказал себе, что вообще здесь лучше бы не появляться. И не появлялся.

Чешский журналист был явно разочарован таким ответом.

– Ну хорошо, – не теряя надежды, продолжил он, – а не подходили ли к вам люди из BIS с какими-то интересными предложениями?

И опять я был вынужден его разочаровать. Не подходили. Никогда их не видел, хотя и не исключаю того, что в моем окружении могли быть агенты этой конторы.

– Ладно, – вконец расстроился чешский коллега, – вспомните теперь, возможно, вы в Афганистане имели контакты с КГБ?

Вот тут я обрадовался. Ибо Афганистан в 80-е годы был

вотчиной Лубянки, и без общения с ее представителями там никак было невозможно. Однако никаких поручений «соседей» я и там не выполнял. Хотя выпивать вместе случалось.

Так выглядели публикации в чешской прессе, посвященные моим мифическим подвигам на почве шпионажа.

Кажется, чешский журналист остался очень разочарован нашей беседой. Но передал ее на сайте своего издания, почти не переврав.

А в газете «Млада фронта Днес» вышла большая статья, явно написанная с подачи BIS. В ней я и мой коллега из РИА Новости Саша Куранов были названы «спящими агентами»,

которые долго находились на территории Европы как бы в резерве, но недавно пробил наш час: были засечены в ходе встреч с другими вражескими лицами. Во как! Тут-то мы с Курановым, сильно обиженные, и созвали пресс-конференцию, где сказали все, что думаем про этих дебильных ловцов шпионов. Куранову за семьдесят, он живет здесь едва ли не двадцать лет. А последние годы почти как пенсионер – сидит в своем загородном доме и не высовывается.

Мне шестьдесят девять. Я не знаю языка. Испытываю серьезные проблемы со здоровьем. Вся моя биография как на ладони, открой Википедию – все по годам расписано.

Какими же идиотами надо быть, чтобы именно нас считать «спящими агентами».

* * *

А ситуация, кроме всего прочего, продолжала сортировать людей из моего окружения.

Первым прокололся Мирек Ш. Именно его я по наивности считал здесь своим самым верным другом. В середине далеких 80-х он приехал к нам в Москву, обратился ко мне за помощью. Мирек хотел сплавиться по самым главным сибирским рекам. Написать об этом книгу, снять фильм. Мы ему помогали. В бытность главным редактором «Собеседника» я даже откомандировал в путешествие с Миреком по Енисею своего зама Сашу Куприянова. Причем это не всегда

было легко, потому что чех не скрывал своих диссидентских настроений, был, что называется, под колпаком у КГБ. Ну и что? Хороший парень, путешественник, журналист, смельчак, балагур. А политические взгляды – это его сугубо личное дело.

Когда у меня в середине 80-х в Праге выходила книга про Северный полюс, он написал к ней теплое предисловие.

Встречались, выпивали, спорили...

В 90-е Мирек работал у нас в Москве корреспондентом одной влиятельной чешской газеты, но, правда, тогда общались редко: он в основном пропадал на Северном Кавказе, причем обычно – на стороне боевиков, сепаратистов. Потом, вернувшись домой, занялся политикой, стал сенатором, теперь – депутат Европарламента.

Когда я два года назад сюда приехал, то первым делом его разыскал. Он заматерел: известный писатель, политик, борец с тоталитаризмом, все его знают. Еще не став собкором в Праге, я сделал с Миреком огромное интервью, опубликованное в «Российской газете», это был острый диалог с человеком, который критиковал Кремль по разным позициям. Ну и что? Он критиковал, я ему возражал. Это и есть журналистика. И дружба.

Опять встречались, тепло вспоминали прошлое. Последний раз пили пиво в подвале рядом со Староместской площадью за неделю до шпионской истории. А когда она грянула, я ему написал письмо: дескать, давай, друг-депутат,

включайся в борьбу за справедливость. Твоя очередь пришла.

Нет ответа. Стал звонить. Нет ответа. Написал смс. Нет ответа. Потом мне передали: не станет он защищать человека Москвы.

Честно сказать, это меня огорчило даже больше, чем нелепые обвинения в шпионаже. Ведь вроде бы была дружба, проверенная временем. И что мне теперь думать про Мирека? Что он сам каким-то боком встроен в эту подставу? Что ему пригрозили: не лезь, а то вылетишь из теплого парламентского кресла?

Я-то думал, что дружба выше политики. Еще я думал, что он – настоящий.

* * *

В метро нос к носу столкнулся со своим соседом Йозефом. Он примерно моих лет, чуть моложе, энергичный, приветливый, доброжелательный. Иногда пропускаем вместе по рюмочке, причем всегда при этом горячо спорим. Дело в том, что сосед является одним из видных деятелей местной компартии и даже претендует на пост ее лидера. Там у них внутри какие-то жуткие интриги, поэтому Йозеф все время в борьбе. Я над ним по этому поводу подшучиваю. Типа:

– И не стыдно заниматься такой ерундой – хотеть быть вожаком у кучки пенсионеров?

Он обижается:

– Ты не понимаешь. Это не Россия. Здесь у нашей партии еще прочные позиции, она солидно представлена и в парламенте, и даже в Брюсселе.

Наверное, так. Хотя все равно, это, что называется, «уходящая натура». Вымрут те, кому сейчас шестьдесят – семьдесят лет, и все кончится.

И вот встретились. Читаю в его глазах: «Опа! Может, пройти мимо, сделав вид, что не узнал?» У Йозефа скоро съезд, ему нельзя давать козыри в руки оппонентов.

Сосед, наверное, то же самое читает в моих глазах. У меня сейчас репутация шпиона, я отбиваюсь как могу, а тут явный оппозиционер, симпатизант Москвы. Вдруг сочтут, что это я двигаю его в вожди?

И что было дальше?

Да ничего. Засмеялись. Обнялись. Стали прямо посреди толпы, рассказали друг другу о своих новостях. На прощанье я ему пожелал успеха в его безнадежном деле, а он – удачи в моем.

* * *

Однако дни шли, а в ситуации все никак не наступала ясность. Чешская пресса активно высказывалась по этому поводу, причем постепенно стрелка симпатий все больше склонялась в нашу сторону. Все официальные ходы по линии

МИДа были сделаны. Что дальше? Министр иностранных дел Заоралек в одном из интервью обмолвился: но ведь пана Снегирева никто не депортирует из страны, никто не запрещает ему работать журналистом, вот и пусть работает.

И тогда я решил пойти с козырной карты.

Президент Милош Земан – вот кто в этой ситуации должен бы сказать свое веское слово.

Появившись два года назад в Праге, я едва ли не сразу стал вести переговоры с пресс-секретарем чешского президента об интервью с Земаном. Он был мне интересен. Мне всегда были интересны такие люди: брутальные, независимые, способные совершать поступки.

Пресс-секретарь Иржи Овчачек все время любезно кивал, обещал встречу, однако время шло, а встречи все не было.

Я все эти месяцы не упускал возможности поговорить о Земане с людьми, близко его знавшими, и сумел сделать две большие полосные статьи о нем, типа политических портретов. Мое досье с материалами о причудах президента чуть ли не каждый день пополнялось новой информацией.

Узнав, что президент интересуется исламскими делами, я через Иржи передал ему свою книгу об Афганистане «Вирус «А». Когда в начале апреля началась вся эта бодяга с непродлением аккредитации, я опять-таки через пресс-секретаря направил Земану свое послание с просьбой разобраться и исправить ситуацию.

9 мая президент был на приеме в российском посоль-

стве. Рядом, но на некотором отдалении, похаживал Овчачек. Улучшив момент, я к нему подошел:

– Как там мое прошение?

Он начал что-то невнятное отвечать. Мол, бумаге дан ход, президент запросил объяснение от министра иностранных дел и т. д. В конце разговора я напомнил о своей заявке на интервью. Овчачек привычно улыбнулся:

– Я помню об этом.

Каково же было мое изумление, когда на следующий день рано утром я получил от него смс с просьбой срочно позвонить. Звоню. Он говорит:

– Господин президент даст вам интервью 20 мая в ходе своей рабочей поездки по Оломоуцкому краю. Чуть позже я вам сообщу адрес и время.

Теперь наступили томительные дни ожидания. Я боялся каждого телефонного звонка: вдруг сообщат об отказе?

Однако спустя неделю Овчачек написал письмо: ждем вас в деревне Чехи-под-Косиржем 20 мая в 14:45. И приложил адрес для навигатора.

Замечательно!

В разговоре со своим приятелем из числа местных дипломатов я обмолвился о предстоящем интервью. Приятель говорит:

– А вы ему бутылку хорошего виски подарите.

Ладно, пошел в винный бутик, выбрал дорогой скотч. Накануне назначенного срока заранее выехали с Таней в Оло-

моуц, чтобы быть поближе к месту. Там в отеле переночевали. Рано утром, когда завтракали, телефонный звонок, номер незнакомый. Ну все, думаю, сейчас откажут. Но нет, звонил заместитель Овчачка, подтвердил время и место встречи.

Деревня оказалась рядом, в семнадцати километрах от Оломоуца. Доехали почти без приключений. Правда, на полпути за нашей машиной увязался белый пикапчик, и никак я его не мог стряхнуть с хвоста. Даже когда в населенных пунктах, грубо нарушая все правила, я гнал под сто километров в час, пикап, словно привязанный, не отставал. Он и припарковался в парке рядом с нами, из пикапчика вышла пара невзрачных пожилых людей. Но может быть, у меня уже началась паранойя? Приятель-дипломат виноват: накануне он твердил, что меня плотно пасет их наружка, он это точно знает.

На окраине деревушки оказался старый замок и прекрасный парк с цветущими каштанами, изумрудными лужайками, пением соловьев и другими прелестями. Там и должно было состояться действо.

После полудня президентский кортеж подкатил к этому замку. Милош Земан покинул переднее сиденье скромной «шкоды» и под морозящим дождем вышел к ожидавшим его окрестным жителям. У стен замка он посадил дерево. Пообщался с народом. Уединился ненадолго с местными властями. А затем пришел и мой час. Тот самый зам Иржи Овчачка

провел меня мимо парней из службы безопасности внутрь замка.

Там меня любезно попросили открыть портфель, заглянули во все его отделения. Все было хорошо за исключением бутылки виски. Она вызвала легкий переполох в рядах охраны. Я стал объяснять: подарок президенту. Тогда был вызван специалист с хитрым прибором, он поднес этот прибор к бутылке, посмотрел на экран и вынес приговор: опасности не представляет.

Меня немедленно сопроводили в один из покоев замка – там в одиночестве потягивал пиво и курил сигарету за сигаретой чешский президент. Он сидел за большим столом и, как мне показалось, выглядел слегка утомленным.

Земан пожал мне руку. Овчачек попросил, чтобы я разместился не напротив президента, как сел он сам, а рядом с ним, по левую руку. Я понял, в чем дело: Земан плохо слышит правым ухом.

Я поблагодарил главу государства за аудиенцию и достал из портфеля сначала фотоаппарат, потом диктофон, а следом коробку с бутылкой. При виде виски президент поднял бровь, но принял мой сувенир благосклонно.

– Что вы будете пить? – спросил он. – Пиво, вино, сливовицу?

– Ничего, – ответил я, боясь терять драгоценное время. Овчачек предупредил, что у меня всего двадцать минут. – Разве чашечку кофе.

Чашка немедленно оказалась передо мной.

– Курите? – мягко попенял я главе государства.

– А вы? – как мне показалось, с тайной надеждой спросил пан Земан.

– Бросил пять лет назад.

Он развел руками. Но тема показалась мне перспективной.

– Я хорошо помню, как в прошлом году на одной из встреч с населением Пльзеньского края вы сказали, что с этим делом покончено.

– Продержался тогда шестнадцать дней.

– Маловато.

– Помните Марка Твена? Он сказал, что бросить курить легко, лично он бросал сто раз. Так и я.

Я включил диктофон и приступил к интервью:

– Тогда позвольте задать вам первый серьезный вопрос, который касается и меня самого, и перспектив дальнейших взаимоотношений между Чехией и Россией. Не кажется ли вам, что история с лишением меня и моего коллеги из российского информагентства журналистской аккредитации является делом рук или, можно сказать, провокацией неких сил, которые хотели бы обострить отношения между нашими странами, вызвать волну взаимного недоверия?

Президент достал из пачки очередную сигарету, закурил и нараспев ответил:

– Я тоже не знаю, зачем секретные службы говорят, что

вы представляете опасность для Чешской Республики. Слышал, что якобы вы встречались с людьми, которые, с их точки зрения, являются подозрительными. Но я тоже встречаюсь с «подозрительными людьми». Это часть моей работы и уж точно – часть работы любого журналиста. В данный момент я для вас партнер как для журналиста. Меня абсолютно не интересует, есть у вас аккредитация или ее нет. Самое главное, что вы здесь и мы с вами беседуем.

Прощаясь, мы выпили с президентом Земаном по бокалу пива.

...Мне очень хотелось продолжить эту тему, связанную с

аккредитацией, спецслужбами и пр., но я понимал, что больше уже сказанного Земан не скажет. Поэтому дальше пошли вопросы из заранее заготовленного списка.

Мы проговорили более получаса, на все вопросы он ответил – иногда подробно, иногда в двух словах. Овчачек стал уже нетерпеливо поглядывать на часы. В соседнем помещении президента ждали чешские журналисты, там была запланирована пресс-конференция.

Напоследок я признался пану Земану, что моей любимой книгой (и любимым фильмом) про чехов является «Я обслуживал английского короля» Богумила Грабала. Президент оживился:

– Мне тоже нравится.

Я продолжил:

– Если я сам напишу когда-нибудь книгу про Чехию, то хорошо было бы одну из ее глав назвать так: «Я выпивал с чешским президентом».

Милош Земан все понял с полуслова. Нам принесли пиво, мы сдвинули бокалы.

* * *

Интервью было напечатано, его заметили и активно цитировали чешские СМИ, а в комментариях язвили: как, мол, все это понять – глава государства пьет пиво с русским, которого спецслужбы подозревают в подрывных действиях про-

тив государства?

Как? Да вот так. Дури, оказывается, хватает не только у нас, в России, ее и в цивилизованной Европе достаточно. Президент фактически признал некомпетентность своих спецслужб.

В принципе ничего особенного не изменилось в моей жизни. Виза была действительна до середины декабря. Слежку вроде бы сняли, а если и не сняли, то теперь вели ее не так нагло или я просто перестал обращать на нее внимание. Я продолжал писать в газету свои заметки, ездил в командировки, встречался с людьми. Но стал гораздо осмотрительнее.

Кто-то же настучал на меня этим бисовцам, кто-то сдал с потрохами. Кому-то зачем-то потребовалось выставить меня агентом и врагом чешского государства. Кому?

Вариантов здесь было великое множество. Этими негодьями могли быть соотечественники, желавшие выслужиться перед местными властями с целью получения гражданства. А наши соотечественники за границей – это особый народ. Разобщены, многие друг друга в чем-то подозревают, сплетни, склоки... Я же, не ведая об этом, в первое время активно встречался с представителями диаспоры, пил с ними пиво и, кажется, был не всегда сдержан в разговорах.

Ясно как божий день, что BIS имеет в этой среде своих осведомителей.

Еще одним слабым местом были мои контакты с людьми

из местной компартии. Едва приехав в Прагу, в посольстве на торжественном приеме в честь Дня Победы я был представлен целой плеяде этих ветеранов. Все они когда-то учились или работали в Москве, прекрасно говорили по-русски, излучали дружелюбие и готовность помочь. А мне тогда это как раз и требовалось в больших количествах: языка не знаю, знакомых нет, обратиться не к кому. Общался, грешен, я с этой старой гвардией, обращался к ним за комментариями, просил советов. Но ведь, с другой стороны, были они не какими-то подпольщиками, нет, напротив, вполне уважаемые граждане: депутат парламента, крупный ученый-историк, партийный функционер, писатель... Нормальные люди старой закваски.

А оказывается, нельзя. Бдительные ребята из органов могли счесть это за тайные операции с целью манипулирования местными левыми, внесения раскола в демократическое общество.

Именно это имел в виду президент Земан, когда говорил, что я, по мнению контрразведки, встречался с «подозрительными людьми».

Словом, было о чем поразмышлять.

И что вспомнить.

* * *

Конечно, в том интервью, которое у меня брал парень из

«Респекта», я слегка слукавил. Были, были в моей жизни контакты с сотрудниками разведки. Да и как им не быть, если за четверть века я написал об этом ремесле более сотни статей и несколько книг. По иронии судьбы последняя вышла в Москве как раз в пору шпионского скандала, издательство отправило мне в Прагу бандероль с сигнальными экземплярами – вот, наверное, обрадовались такому подарку бисовцы. Ага, мы же говорили! Бандероль была вскрыта, видимо, на таможне, потом опять запечатана и... благополучно вернулась обратно в Москву с пометкой: неправильно написан адрес. Но адрес был написан правильно, просто игры продолжались.

А книга состояла из диалогов с моим давно почившим другом генералом внешней разведки Борисом Соломатиным. Мы говорили, а чаще спорили о всяких острых сторонах этого древнего ремесла: о предателях, о двойных агентах, о том, возможен ли моральный кодекс разведки и что вообще она представляет собой в нашем меняющемся мире.

Но если меня по этой причине зачислили в агенты, то тогда, следуя похожей логике, надо записывать в наркоманы тех журналистов, которые пишут статьи и книги о наркомафии. Ведь так?

Был и другой эпизод из этой же серии. Когда на закате перестройки – я тогда работал руководителем информационного отдела «Правды» – у меня на столе зазвонил телефон правительственной связи АТС-2, и человек на том конце

провода представился: Леонид Владимирович Шебаршин, Первое главное управление КГБ СССР. Я уже знал, что ПГУ это и есть внешняя разведка, самое секретное управление Лубянки. Но фамилия ни о чем мне не говорила. А Шебаршин, сразу перейдя к делу, спросил, не соглашусь ли я взять у него интервью. Он – начальник ПГУ, а время сейчас перестроечное, гласность, открытость, пора выступить в газете с разъяснением – чем же занимаются советские джеймсы бонды. Мягкий, по-московски интеллигентный голос. Уважительный тон.

Конечно, я сразу согласился. Еще никогда в истории советской внешней разведки никто из ее руководителей не выступал в печати, да что там, даже их имена знал только узкий круг посвященных.

– Тогда мы придем за вами машину, – подытожил Шебаршин. Я помчался к главному редактору: уж не розыгрыш ли все это? Он подтвердил: да, решением политбюро и с согласия генсека Горбачева впервые за всю историю секретной службы ведомство рассекретило имя своего руководителя. И первое интервью он даст нам.

Леонид Шебаршин был не только начальником разведки,

но и большим интеллектуалом.

Леонид Владимирович принял меня в своем кабинете в Ясенево, в комнате, мало похожей на казенный офис – с большими окнами, выходящими на лес и луга, и колонной посередине. На книжной полке стояли произведения классиков. Время было обеденное.

– Не хотите разделить со мной трапезу? – предложил генерал. – У нас сегодня пельмени.

– Но разве пельмени без водки бывают? – не очень удачно пошутил я. Интервью размером в целую газетную полосу появилось в «Правде» под названием «Без плаща и кинжала». Эффект был поразительный: все западные информагентства обильно цитировали Шебаршина и удивлялись, мол, вот как далеко зашла перестройка.

Когда я приехал в Ясенево в следующий раз – для того, чтобы завизировать у генерала текст, он принял меня еще любезнее. К тому времени мы уже о многом поговорили, обменялись книжными пристрастиями, я рассказал о своем афганском опыте. Шебаршин умел слушать. Теперь он повел меня по комплексу своих владений, расположенных сразу за МКАД, показал служебные помещения, бассейн, столовую, познакомил с комнатой истории разведки. Вот где я испытал тогда настоящий шок. На стендах были фотографии всяких довольно известных людей: академик, писатель, журналист... Оказывается, все они в разные годы работали на раз-

ведку.

Шебаршин искренне забавлялся, видя мое изумление.

Еще спустя месяц или два я опять побывал в Ясенево, когда там рассекретили несколько агентурных дел и приняли решение обнародовать их в прессе. Мне выделили комнатушку и свалили на стол старые папки с тесемками, которые содержали настоящий клад – историю авантюрной жизни агента-нелегала Дмитрия Быстролетова, орудовавшего в Европе в 30-е годы под разными прикрытиями. Я написал тогда в газету три «подвала», и это тоже был настоящий прорыв и для СМИ, и для перестройки.

А последний рабочий контакт у нас с Шебаршиным случился в дни августовского путча 1991 года. Его тогда, сразу после ареста Крючкова, назначили председателем КГБ, но пробыл Леонид Владимирович в этой должности рекордно короткий срок – всего сутки. Возможно, к счастью для себя. И вот где-то в этом промежутке он позвонил. Был, как всегда, деликатен:

– Владимир Николаевич, вы знаете, что такое «Вымпел»?

Конечно, я знал. Так называлось секретное подразделение ПГУ, сформированное исключительно из офицеров и предназначенное для диверсионных операций за кордоном в ходе возможной войны. Знал я про него, поскольку многие из вымпеловцев прошли Афганистан, а там трудно было не пересечься.

– Да, – ответил, – знаю.

– А вы не могли бы взять интервью у командира «Вымпела» полковника Бескова?

– Тема?

– Вы понимаете, сейчас, когда путч подавлен, нашлись охотники измазать наших ребят грязью, – с горечью объяснил генерал. – Стали говорить, что будто бы «Вымпел» собирался штурмовать Белый дом. А это не так.

– Если это действительно не так, тогда я готов.

– Слово офицера. Я высылаю машину.

Так я оказался – опять-таки первым из всех журналистов – на сверхсекретной базе «Вымпела» в Балашихе. Там меня встретил Борис Петрович Бесков, встревоженный, огорченный, удрученный. И поведал, что и как делали его бойцы в те три дня, когда решалась судьба России. Поминутно разложил ситуацию.

Я уж не знаю, мое ли интервью помогло или что-то другое, но в последовавших затем разборках спецназ ПГУ в числе сторонников путча не фигурировал.

Что дальше? Судьба Шебаршина сложилась трагически. Борис Ельцин, назначивший его главой КГБ, ровно через сутки под давлением своего «демократического» окружения снова отправил генерала «в лес», как на сленге называли штаб-квартиру ПГУ в Ясенево. Вскоре пришедший командовать Лубянкой Вадим Бакатин решил показать, кто в лавке хозяин: он без всякого предварительного разговора с начальником разведки прислал ему в замы своего человека, что

противоречило и тогдашним правилам, и здравому смыслу. Шебаршин в знак протеста подал в отставку.

Я подозреваю, в глубине души он надеялся таким образом привлечь внимание президента к тому, что спецслужбой руководит дилетант, что так дела не ведут. Увы ... Ушел и ушел. Плевать. Время было такое: государством пришли рулить наперсточники, а он был Профессионал с большой буквы. Такие тогда стали не нужны.

Так в пятьдесят шесть лет генерал-лейтенант Леонид Шебаршин сделался пенсионером. Я хорошо помню тот период его жизни, потому что мы часто встречались – и у него дома, и у друзей. Врагу не пожелаешь того, что пережил генерал. Он еще пытался как-то карабкаться: создал и возглавил Фонд экономической безопасности, написал несколько очень хороших книг, играл в теннис. Но по большому счету все уже было позади. Удар следовал за ударом. После тяжелой болезни ушла из жизни его жена.

Написанные им книги не были мемуарами, а были скорее исповедями. Попыткой разобраться в том, как прожита жизнь и что же со всеми с нами случилось. Иногда очень горькими были эти исповеди. И всегда очень умными.

При встречах я в шутку говорил генералу:

– Не своим делом занимались. Вам бы писателем стать.

– Да будет вам, – отвечал он с самоиронией, как и положено умному человеку, читавшему Толстого, Чехова, Шукшина и Бродского.

Когда я заходил в книжный магазин, то всегда набирал его телефонный номер:

– Что посоветуете?

– У вас ручка есть? Записывайте.

Благодаря этим советам моя библиотека стабильно пополнялась интеллектуальными шедеврами.

В его офисе – сначала он размещался под трибуной стадиона «Динамо», а в последние годы в переулке на Чистых прудах – всегда можно было застать разных людей, и не только ветеранов разведки. Общением с ним дорожили журналисты, политологи, священнослужители.

Все стремительно посыпалось на исходе зимы 2012 года. Сначала пришлось оставить любимый теннис: так скрутили его болезни. 24 марта, поздравляя генерала с очередным днем рождения, я не услышал в ответ обычных шуток, Леонид Владимирович был явно чем-то расстроен. Наш общий друг впоследствии пояснил: плохо себя чувствует. Несколько дней назад у него случился инсульт. Генерал стал терять зрение.

Ничего нет. Ни службы. Ни жены. Ни любимых книг. Ни будущего. Ничего. Темнота. Оставшись дома один, он достал из тумбочки наградной пистолет.

Говорят, самоубийство – не выход, говорят, это удел слабых.

Не знаю... Не мне его судить.

А память уводит все дальше, из потока времени всплывают другие эпизоды.

Был у меня в Кабуле один приятель, тогда майор, по имени Володя Редкобородый. Звание имел небольшое, зато лицом считался очень значительным. Потому что командовал группой офицеров, входивших в личную охрану главы государства Бабрака Кармаля. Дворец афганского руководителя снаружи охраняли местные командос, внутри за безопасность территории отвечали наши десантники, а во дворце все полномочия были у офицеров КГБ.

И вот этот Володя однажды меня здорово выручил.

...Иногда на встречах студенты журфаков спрашивают: «А могут ли журналисты на войне носить оружие?» Этот вопрос каждый раз ставит меня в неловкое положение. Конечно, не могут. И не носят. Нельзя. Нехорошо это. Но были и исключения. Во время Второй мировой войны носили – и наши, и западные (насчет немецких – не знаю). Во время нашего присутствия в Афганистане не просто носили, а буквально со стволами не расставались.

«Макаров» я наловчился носить за брючным ремнем сзади, он там был как влитой. Если летом в жару выходил из дома без пиджака, то надевал рубашку навывпуск, и никто мою пукалку не видел.

С оружием случались всякие неожиданности, ведь прав был классик: если на сцене есть ружье, то оно обязательно выстрелит. Но бывали забавные случаи и без пальбы. Вот об одном из таких я сейчас расскажу.

В Кабул тогда приехал секретарь ЦК комсомола Виктор Мишин. И по этому поводу афганский вождь Кармаль пригласил его, а также работавших там комсомольских советников, а заодно и меня, собкора «Комсомолки», к себе во дворец. Я немного опоздал, примчался, когда вся группа уже прошла. Естественно, на входе в резиденцию комсомольцев обшмонали, кто был при оружии свои стволы сдал на хранение.

И вот я залетаю, майор Редкобородый шипит: «Давай, пресса, шевелись» – и лично провожает меня в те покои, где сейчас появится вождь. Мы рассаживаемся за большим дубовым столом, причем мое место оказывается прямо в двух метрах от кресла, куда сядет товарищ Кармаль. И тут я холодею от страха, ощутив спиной металл своего «макарова». Господи, вот влип! Через минуту войдет глава государства, а его гость сидит с заряженным и готовым к бою оружием. Е-мое! Да свои же и пристрелят, только шевельнусь.

Я оборачиваюсь, сзади поляну зорко осматривает Редкобородый.

– Владимир Степаныч, – подчеркнуто уважительно зову его. – Подойди, дело есть.

Он недоволен, он же при исполнении, но подходит:

– Что случилось?

В двух словах объясняю ему суть дела. Ни один мускул не дрогнул на лице хранителя тела. Да и куда было ему деваться, сам же прошляпил потенциального диверсанта.

– Сиди тихо и не делай лишних движений, – только и сказал мне майор. А сам вернулся на свое место и пошептал что-то своим опричникам, расположившимся по углам. А в покои уже величественно входил глава Афганистана.

Дальше все прошло как по маслу. Секретарь ЦК Виктор Мишин заверил афганского лидера в том, что советская молодежь, верная заветам Ленина и интернациональному долгу, не оставит в беде афганскую молодежь. Бабрак Кармаль в свою очередь долго говорил про всепобеждающее учение марксизма-ленинизма применительно к своей стране. Я сидел тихо и не шевелился, затылком чувствуя пристальное внимание специалистов 9-го управления КГБ. Все-таки это не комфортно, когда такие специалисты держат тебя на мушке. Но все обошлось.

Несколько слов про судьбу героев этой истории. Бабрак Кармаль через пять лет был свергнут с трона тем же КГБ и затем несколько лет провел под домашним арестом на даче в Серебряном Бору. Он умер в 1996-м в Москве. Володя Редкобородый в 1991 году после провала путча ненадолго сам стал начальником 9-го управления КГБ и даже однажды по дружбе устроил мне поездку в эскорте Горбачева – от его дачи в Раздорах до Кремля. Правда, очень скоро Ельцин и

Коржаков его схарчили, и Редкобородый, так и не получив генерала, ушел на пенсию. Комсомольский секретарь Виктор Мишин открыл в себе предпринимательские таланты и стал банкиром.

* * *

Что же касается Ясенева, или «леса», то последний раз я был там уже после отставки Шебаршина, в самом конце 1991 года. Причем, как и прежде, инициатива исходила не от меня.

Мы тогда вернулись из долгого похода в Афганистан – я и два моих британских спутника. Ходили выручать пленных. Это была, как я сейчас понимаю, невероятная авантюра с минимальными шансами остаться в живых. Но в итоге все обошлось: мы добрались до базы главного командира афганских партизан Ахмад Шаха Масуда, договорись об освобождении пленных, словом, можно было считать миссию выполненной. Об этом я целую книжку написал – «Рыжий», самую для меня дорогую.

Кабул тогда еще был под Наджибуллой, но моджахеды подпирали его со всех сторон. Никто не мог точно сказать, сколько продержится наш ставленник и союзник.

Когда я вернулся в Москву, мне позвонили из Ясенева:
– С вами хотел бы побеседовать заместитель начальника разведки генерал Гургенов.

Ладно, прислали за мной машину, привезли в «лес», сели мы в кабинете Вячеслава Ивановича, стали пить чай и разговаривать. Гургенов жадно расспрашивал о том, что я видел, интересовался расстановкой сил в вооруженной оппозиции, личностью Ахмад Шаха. В конце разговора он спросил, каков мой прогноз на развитие ситуации?

– Через полгода моджахеды займут Кабул, а Масуд станет министром обороны в их коалиционном правительстве, – ответил я, понимая, что такой ответ не понравится генералу.

И он действительно огорчился.

– Ничего такого не будет, – жестко сказал Гургенов. – Наши аналитики дают совершенно другой прогноз.

А в Первом главном управлении тогда действительно была большая и серьезная аналитическая служба.

Меня это задело.

– Давайте поспорим на бутылку хорошего армянского коньяка.

Ударили по рукам.

В апреле следующего года, то есть спустя четыре месяца, «духи» овладели Кабулом, а в мае Масуд был назначен министром обороны. Я не стал звонить Гургенову – зачем сыпать соль на раны? Кстати, проспороенный коньяк он мне так и не поставил. Замотал это дело.

Интересную версию по поводу своих проблем я услышал от одного ветерана, когда случайно пересекся с ним в Москве.

– Это спецоперация наших российских чекистов, которые захотели тем самым отвести от удара своих реальных сотрудников, работающих в Чехии, – твердо заявил он. – Вы с Курановым стали разменной картой. Обычное дело в играх спецслужб.

По его словам, здесь, в русской колонии, наверняка есть человек или даже несколько человек, так называемых двойных агентов. Такой двойник мог быть и в моем окружении. Он (она?) на связи с нашими «ближними» и в то же время постукивает чехам. Этот двойник, получив инструкции от наших, идет к чехам и говорит: «Что-то мне не нравится этот пан Снегирев. Что-то есть в нем подозрительное». Дальше начинается разработка. Смотрят мои связи, телефонные звонки, электронную почту и т. д. А там всегда можно за что-то зацепиться. Как говорил известный герой романа «Вся королевская рать», «на каждого что-то есть». Ага, переписывается с генералом Аушевым. Ага, написал книгу про разведчика Соломатина. Ага, был знаком с Шебаршиным. Награжден боевым орденом, был на всяких войнах...

Двойник получает указание хорошенько выпить с объек-

том разработки и выпытать у него нечто более серьезное. Выпиваем. Говорим. Например, я мог по пьяной лавочке признать, что лично знал многих руководящих лиц из «леса». Что есть чистая правда – знал, однако никогда этого не скрывал, поскольку они – герои моих статей и интервью. Плюс к этому двойник, как это свойственно почти всем агентам, стараясь набить себе цену, привирает в своем донесении: этот пан Снегирев имеет очень высокое звание, не меньше генерала.

Вот и все. Что и требовалось доказать.

Все довольны. Местная контрразведка выявляет важного шпиона и записывает себе в актив много очков. На Лубянке (или в Ясенева) тоже потирают руки: некоторое время реальные сотрудники могут спать спокойно.

В противостоянии спецслужб такие комбинации – рутина, обычное дело. Рядовой человек любой национальности для них – ничто, «расходный материал». Особенно когда речь идет о «государственных интересах» – подлинных или мнимых. И насчет чехов в этом смысле не надо заблуждаться, их «ловцы шпионов» ничуть не лучше и не честнее других. Еще одна беда состоит в том, что эти ребята никогда не признают своих ошибок и не приносят своих извинений тем, кого незаслуженно обидели.

* * *

Еще одно воспоминание, связанное с Лубянкой. В самом начале 90-х годов, когда вся прежняя жизнь пошла прахом, будущее не просматривалось, денег и идеалов не стало, мне предложили халтуру. Нашелся издатель из числа новых русских, который сказал:

– Есть такой шпион Олег Туманов, бывший сотрудник радио «Свобода», а на самом деле агент КГБ. Напиши с ним книгу, я ее пристрою на Западе, хорошо заработаете.

Туманов жил в казенной квартире на втором этаже привилегированного кирпичного дома за театром кукол Сергея Образцова. И квартира была казенная, и мебель в ней была казенная, и посуда, и даже, кажется, жена, которую ему подвели кураторы с Лубянки после того, как Олег в 1986-м бежал из Мюнхена.

Бывший агент Олег Туманов так и застрял между двумя мирами.

Он между тем раньше был не просто сотрудником «Свободы», а руководителем русской службы этой радиостанции, которая в те времена считалась филиалом ЦРУ, то есть входил в число боссов шпионского гнезда.

Генерал внешней разведки Калугин, ныне живущий в США и заочно осужденный российским судом, утверждал, что это он когда-то давным-давно завербовал Туманова. Не

знаю. Может, и он. Однако сам Олег в разговорах со мной придерживался другой версии, романтической. Дескать, его еще чуть ли не со школьной скамьи готовили для закордонной работы. После школы призвали служить на флот. И вот однажды темной ночью, когда их эсминец стоял неподалеку от побережья Ливии в Средиземном море, Олег спрыгнул в море и вплавь добрался до африканского берега, где и сдался вначале британским военным, которые впоследствии переправили его в Германию. Так, тихой сапой, беглый моряк вполз в шпионское гнездо, где и сделал в итоге головокружительную карьеру.

Именно благодаря ему все, что происходило на «Свободе», тут же становилось известно Лубянке. Я уж не знаю, какую пользу извлекала из этого Москва, но что было, то было.

Олег Туманов просуществовал таким образом в Мюнхене (радиостанция тогда размещалась там) больше двадцати лет, обзавелся семьей, но на заре перестройки к американцам сбежал кадровый сотрудник советской разведки, который знал о Туманове, и поэтому Олегу пришлось срочно делать ноги. Он тайно вернулся в Москву, бросив жену и дочку, и вот теперь изнывал от безделья в этом блатном доме рядом с Садовым кольцом.

Правда, вначале на родине агента встретили со всеми возможными почестями. Дали хорошую пенсию. Познакомили с женщиной по имени Лена, которая должна была скрасить его одиночество. Отправили в длинную поездку по стране –

с лекциями о происках ЦРУ. Организовали большую пресс-конференцию, во время которой он зачитал текст официального заявления, обличающего происки западных спецслужб. Все было хорошо. Одно было плохо – он вернулся в страну, которая на его глазах распадалась. И очень скоро до героя (каким он себя считал) никому не стало дела. Перестройка, новое мышление, дружба с Западом и все прочее.

Олег запил. Я приходил к полудню – обычно к этому времени он уже выпивал бутылку водки. Сидел за журнальным столиком и опрокидывал рюмку за рюмкой. Без всякой закуски.

Растрепанная буйная борода. Хорошие западные шмотки. А в глазах – тоска.

Мне кажется, он с ужасом ощущал себя человеком, которого окружало, опутывало, убивало тотальное предательство. Сначала он сам предал свою страну, спрыгнув ночью с борта крейсера, стоявшего у берегов Ливии. Затем он предал своих коллег по радиостанции, согласившись сотрудничать с КГБ. Он предал жену и дочь, бросив их в Мюнхене. Теперь предавали его самого, потому что перестройка зашла очень далеко, и «Свобода» уже официально работала в Москве и даже была в большом почете у ельцинских ребят. Все шло прахом.

И что еще ему оставалось?

Он застрял между двумя мирами.

Я приходил. Выливал в раковину остатки водки, кричал

на него, заставлял работать. Иногда кричал довольно грубо. Олег бурчал в свою бороду, не обижался особо, начинал рассказывать. Я записывал.

Так с трудом, с муками родилась наша книга. Она потом вышла в Германии и США. В России не вышла – время тогда началось такое, что никому не было дела до шпиона Туманова.

Вскоре его не стало. Сгорел. Или, правильнее сказать, сжег себя.

* * *

Но эта шпионская сага будет неполной, если не рассказать о том, как и меня однажды пытались запрячь в агенты. Причем было это в самый разгар перестройки, когда я занимал номенклатурную должность главного редактора еженедельника «Собеседник», а по существовавшим тогда правилам номенклатуру вербовать не разрешалось.

Мне позвонил Володя Б., сотрудник 5-го идеологического управления КГБ, с которым я познакомился, когда работал корреспондентом «Комсомолки» в Афганистане. Этот Володя тоже был командирован от своей конторы в Кабул и курировал там афганскую молодежную организацию, местный комсомол. На каких-то днях рождения там и пересекались – два или три раза. С тех пор прошло шесть лет, и вот он позвонил. Сказал, что по-прежнему присматривает в «пятер-

ке» за молодежными организациями, что часто вспоминает Афганистан, что хотел бы со мной встретиться. Прозвучало это вполне безобидно, типа: ну, давай, как в старые добрые времена, сойдемся, выпьем, вспомним былое.

А почему бы и нет?

– Тогда приходи сегодня вечером в гостиницу «Москва», – обрадованно сказал Володя Б., назвал номер комнаты и повесил трубку.

В назначенный час я пришел в гостиницу. Без труда нашел нужный номер, постучал. Он открыл тотчас же, словно ждал меня на пороге.

– Старик, как я рад.

Это был двухкомнатный люкс, причем, войдя, я не обнаружил в гостиной никаких следов возможного гостеприимства, на столе не было ни выпивки, ни закуски. Ну ладно, думаю, может, это у них тут «кукушка», то есть место для тайных встреч, а дальше мы в ресторан пойдем.

Однако Володя Б. предложил мне сесть и завел очень странный разговор. Начал он с того, что время сейчас сложное, перестроечное, все в стране пришло в движение, вот и в молодежной среде непросто, раньше был один комсомол, а теперь появились неформальные организации, всякие рок-клубы, и чем они там занимаются – этого никто толком не знает.

Я слушал.

– И вот, старик, – проникновенно продолжал Володя Б., –

начальство от нас требует информации, а мы, как слепые котята, ничего не понимаем и не знаем.

Я молчал, соображая, куда же дальше он вырулит.

– А ты, старик, работаешь в самой гуще. Твой еженедельник у них нарасхват. Ты небось руку на пульсе держишь. Любера всякие, рокеры, металлисты... – Он поморщился брезгливо. – Мы должны знать, чем они дышат.

– Ближе к делу, – подбодрил я его. – А то время уже семь вечера, а мы еще ни в одном глазу.

– Есть такое мнение, – перешел он на доверительный тон, – что ты мог бы информировать нас по этой проблематике.

Вот оно что! Я с трудом сдержался от того, чтобы не послать его на три буквы. Но избрал другой путь. Ведь если это «кукушка», то она наверняка оборудована микрофонами, каждый наш чих пишется сейчас на пленку.

– Слушай, кончай ты мне голову морочить! – воскликнул я с видом полного идиота. – Какие любера и рокеры? Ты меня, что ли, разыгрываешь? Мы для чего собрались? Чтобы, как в старые добрые времена, выпить и покуролесить, так? Помнишь Кабул? – Тут я перешел к импровизации. – Помнишь, как там зажигали с девочками из ансамбля Моисеева?

У Володи Б. вытянулось лицо. Никогда в Кабуле мы с девочками с ним не тусовались. Но я решил его добить:

– А помнишь, как водку меняли на камушки? Как я тебя пьяного в дым домой вез? Как ты мне всю машину облевал?

Он, бедный, сидел открыв рот. Потом вдруг вскочил, зашевелился, развел руками, подал мой плащ.

– В другой раз, в другой раз, мне пора, мне пора, – заикаясь, проговорил он и буквально выставил меня за дверь.

Когда спустя много лет, уже при капитализме, мы случайно встретились где-то в районе Крылатского, я напомнил ему про отель «Москва». Володя сказал, что он давно не служит, пытается раскрутить собственный охранный бизнес, что всякое было и «кто старое вспомнет, тому глаз вон».

* * *

Пресс-конференцию, о которой я писал выше, вел чешский журналист Ондржей Соукуп из газеты «Господарски новины». Он давно специализируется по России и СНГ, сносно говорит по-русски, у него русская жена. Он сразу изъявил желание помогать нам, двум российским журналистам, попавшим «под раздачу». Оповестил своих коллег о брифинге, договорился с местной ассоциацией журналистов о предоставлении помещения, затем еще много раз сводил меня с корреспондентами разных чешских изданий, которые интересовались этой темой.

За пивом мы сообща обсуждали разные версии случившегося.

Кстати, про пиво. Ондржей в Чехии едва ли не самый большой знаток всего, что связано с этим национальным на-

питком, поэтому ходить с ним «на пиво» очень познавательно и приятно.

Однажды он высказал такую мысль: решение не продлевать вам аккредитацию никак не связано с вашей профессиональной деятельностью, на самом деле таким образом чешские спецслужбы посылали сигнал настоящему, реальному агенту российской разведки. Чтобы он умерил свою активность, иначе его вышлют из страны. Подумав, я согласился: почему бы и нет? В шпионских играх обычные граждане часто используются как разменная монета.

– Но проверить это невозможно, – продолжил Ондřej Соукуп. – Искать логику, если ты имеешь дело со спецслужбами, дело безнадежное.

Словом, этот человек вел себя не просто достойно, а заслуживал самых добрых слов от нашего государства. Но вот что было дальше. Летом Ондřej явился в российское консульство с просьбой о получении визы для поездки в Ивановскую область, где проводили каникулы его жена и сын. А ему – от ворот поворот. Как и в нашем случае, отказ ничем не объяснили, но всем было ясно, что таким образом Россия отомстила Чехии. На ваше безумие мы ответим нашим безумием.

Конечно, Соукуп расстроился не меньше меня. Теперь уже он оказался в роли человека, на защиту которого встали российские журналисты. Хотя некоторые из наших коллег не смогли скрыть злорадства: око за око, зуб за зуб. А

один московский корреспондент, его давний знакомый, написал ему: «Ты должен понимать, что идет самая настоящая война и ты в ней тоже участвуешь. Ну да, ты не врешь в открытую, но все равно объективно ты сражаешься на стороне противника».

В своем публичном ответе, который Соукуп разместил на популярном российском интернет-портале, он написал:

«Надо признаться, я огорчился, услышав такие слова от человека, с которым мы знакомы лет пятнадцать. Я привык делить людей не по национальностям, а по их делам и характерам...

К сожалению, моя личная история вполне вписалась в общую картину. Дмитрий Киселев и его соратники по информационному фронту потрудились на славу. Если судить по большинству русскоязычных СМИ и еще больше по реакции в соцсетях, то Россия окружена врагами, которые утром просыпаются с мыслью нагадить русским, овладеть их природными ресурсами. Особо умиляет сосредоточение на роли США. Во всем мире бывший спикер Госдепартамента Джейн Псаки известна узким специалистам-американистам, зато в России ей была посвящена даже целая серия анекдотов. По количеству упоминаний в российских СМИ она могла смело конкурировать даже с самим Баракком Обамой...

Наследие нынешней конфронтации России с Западом так быстро не пройдет и может портить наши отношения еще многие десятилетия, кто бы ни был обитателем Кремля.

Мы можем не соглашаться с политикой России, США, Украины или Евросоюза. Но если мы, журналисты, дадим себя втянуть в «информационную войну», это будет наше поражение. И победят в этой войне те, кто сегодня радуется, что кому-то не дали визу».

И разве это не так?

* * *

Но все-таки насколько тесно журналисты сотрудничают со спецслужбами? Я бы и сам хотел узнать ответ на этот вопрос. Подозреваю, что есть и в моем окружении коллеги, которые по тем или иным причинам ступили на тайную тропу. Один по пьяной лавочке признался: был завербован еще на студенческой скамье, обещал «постукивать» на иностранцев, с которыми общался. Однако, как он меня уверял, долго эта история не продлилась, скоро его оставили в покое. Другого мы подозревали, потому что уж больно удачно развивалась его карьера, было такое ощущение, что чья-то невидимая, но сильная рука все время пересаживала его из одного теплого кресла в другое. Чем он платил – об этом могу только догадываться.

Все может быть. Корреспонденты и редакторы – люди хорошо информированные, со связями, влиянием, вхожие в самые разные сферы. Для секретных служб – самое то.

В книге немецкого автора Удо Ульфкотте «Продажные

журналисты», а эта книга стала бестселлером во многих странах, есть целый раздел, где повествуется о связях представителей германских СМИ со спецслужбами. Сам автор признается в сотрудничестве с БНД и называет множество своих коллег, которые так или иначе кормились с руки разведки. По его словам, особенную активность в этом деле проявляет ЦРУ. Если сотрудник газеты или телекомпании хочет сделать карьеру, то без поддержки «рыцарей плаща и кинжала» это не получится, утверждает У д о.

Он пишет, что американская разведка по всему миру занимается вербовкой журналистов и руководителей СМИ. Сами журналисты в США как-то провели расследование и выяснили: примерно четыреста их коллег работают на ЦРУ.

«Журналиста можно поймать дешевле, чем хорошую шлюху, всего за пару сотен долларов в месяц», – цитирует он слова одного из сотрудников Лэнгли. По его наблюдениям, почти все зарубежные корреспонденты американских или британских газет были связаны с соответствующими национальными секретными службами.

Может быть, чешские контрразведчики тоже внимательно прочли эту книгу. И решили: ну раз так, то и Снегирев наверняка прибыл к нам с секретным заданием.

Все мы – заложники дураков и негодяев.

Глава вторая

Сибириада

**Как я пытался увидеть свое
будущее. Из семьи ссыльных.**

**Отец вспоминает войну. Суровая
школа Суворовского училища.**

Путешествие на плоту «Сфема».

**Парижский шансон среди
сибирских терриконов.**

**Первая газета. Юрий Совцов.
Диплом, полученный чудом.**

часто видеть одну и ту же картину. Томск. Крутой обрыв, склоны которого заросли кустами боярышника, дикой малиной, лопухами и крапивой. Наверху – развалины старой церкви. Мне лет девять или десять. На склонах обрыва мы играем с мальчишками в войну. Потом я отделяюсь от них. Я сижу на теплой кирпичной стене, которая когда-то была монастырской, и смотрю вдаль. За рекой – заливные луга, серебро стариц, чахлые перелески, а дальше, почти у самого горизонта, стеной стоит синий сосновый бор. Почему-то в памяти он отложился именно синим. Эта картина завораживает меня настолько, что я подолгу сижу на уютных руинах и смотрю вдаль, на реку, на бор.

Для меня мир кончался тогда этим сосновым бором. А так хотелось заглянуть туда, дальше, узнать, увидеть, что за ним. Однажды я не справился со своим желанием, с этим мороком, уговорил соседского приятеля Алика Слонкова, и мы, никому ничего не сказав, отправились в путешествие: чтобы увидеть наконец то, что находится за горизонтом. На автобусе «зайцами» мы переехали по понтонному мосту через реку Томь, вышли на остановке «Тимирязевский бор», потом долго шли в глубь этого соснового леса, набрали на узкоколейку, по которой возили спиленную древесину, пошли по шпалам, все дальше и дальше углубляясь в лесную чащу.

Столько лет прошло, а внутри все еще живет счастливое ощущение той первой, почти настоящей дороги, первых

открытий. Небо было высоким, сосны торжественными, таежные запахи будоражили кровь, и за каждым поворотом чудилось открытие тайны.

Мы шли и шли по этой узкоколейке навстречу заходящему солнцу, ощущая себя настоящими взрослыми путешественниками, почти Робинзонами. Не знаю, что было бы дальше. Где располагалось ближайшее поселение? Где застала бы нас ночь? Неожиданно сзади послышался шум, мы обернулись – это была дрезина, которая бойко настигла нас, а в ней сидели родители Алика. Видимо, он все-таки проговорился относительно наших намерений.

Я уже не помню сейчас подробностей последовавших разборок. По-моему, все обошлось, потому что родители были счастливы обнаружить нас живыми и здоровыми. Правда, Алику Слонкову было наказано больше не водиться со мной.

С тех пор для меня сделалось любимым занятием сидеть на обрыве и смотреть вдаль – на реку, на бор. Возможно, я подсознательно хотел увидеть свое будущее, те места и страны, где придется побывать... Но тогда я ни о чем таком даже и не думал. Какие страны? Какие города? Мир заканчивался синим сосновым бором. А за ним была тайна.

Став взрослым, я еще несколько раз ловил себя на страстном, почти болезненном желании пойти сию же минуту вперед, чтобы увидеть – а что там, за тем хребтом, за тем лесом, за той рекой.

Сейчас мое самое большое желание заключается в том,

чтобы оказаться в городе детства, найти обрыв, где мы играли с пацанами, и опять увидеть тот чудный пейзаж: широкую реку, серебро стариц, синий бор на горизонте.

Круг замкнется?

Надо же, как все обернулось! За тем берендеевским лесом, пряно пахнущим мхом, сосновыми иглами, грибами и солнцем, оказался такой огромный и такой разный мир.

Я побывал почти на всех континентах, больше чем в семидесяти странах мира. Зимовал на далеких арктических островах, играл в футбол на Северном полюсе и фотографировал пингвинов вблизи Южного. Плавал в обнимку с гигантской черепахой в бирюзовых водах на острове Бора-Бора (это Французская Полинезия). Маялся от жары в самом знойном месте планеты – в Долине Смерти, это между Калифорнией и Невадой. Поднимался на святую гору Моисея на Синае. Замирал от восторга на мостиках Венеции. Часами бродил – куда глаза глядят – по любимой Вене. Ездил на песцовую охоту с эскимосами Канады. Видел извержение вулкана на Камчатке. Жил в монастырях на Святом Афоне в Греции. Прятался от американских бомб в Косово и от моджахедских ракет в Джелалабаде. Пытался понять тайну Сада камней в японской Осаке. Смотрел, как чудно падает солнце в океан на острове Бали в Индонезии. Постигал тайны боевых искусств в Шаолине. Плыл на теплоходе со своими любимыми внуками по Волге. Прошел невероятно тяжелый маршрут зимой по засыпанным снегом перевалам в Аф-

ганистане, в тех местах, где прежде никогда не ступала нога чужестранца. Мне посчастливилось рассматривать шедевры мировой живописи в лучших музеях Земли – Эрмитаже, Лувре, Прадо. Обедать за одним столом с президентами и королями. Погружаться с аквалангом в Красное море и мчаться по волнам на серфовой доске в Гибралтаре. Сидеть в тюрьме (жаль, недолго) в Иране. Подставлять лицо теплым струям тропического ливня в Малайзии. Ловить крабов в Индии. Пересечь с караваном верблюдов пустыню Кара-Кум. И побывать еще во множестве других мест – на родине и вдали от нее.

Перечисление выглядит явно нескромным, но надо же иногда позволять себе маленькие тщеславные слабости.

Ничего этого я не мог рассмотреть, глядя ваясь много лет назад в свое будущее с кручи над старым Томском.

Но теперь-то я понимаю, отчего так трепетало тогда мое юное сердце.

Судьба уже знала, что будет дальше. Это я не знал.

** * **

Жестоко себя корю: так и не успел толком разобраться в той трагедии, которая катком прошла по нашей семье. Как родители мамы оказались на Алтае? Мама по матери – Пожарская, судя по фамилии, из поляков или польских евреев. Как и почему зачислили их там, на Алтае, в кулаки? Село

Лебяжье, Ребрихинский район, это я запомнил. Раскулачили и сослали на север Томской области, в Нарымский край, куда до революции гнали в кандалах самых неблагонадежных. У меня есть фотография семьи, сделанная тогда, смотреть на нее страшно – это портрет нищеты.

Мамина семья перед нарымской ссылкой. Так выглядели «кулаки», которых боялся и ненавидел Сталин.

У мамы была сестра Мария, она потом уехала на Украину, вышла замуж, стала Левиной. Тетка моя всегда была вылитая еврейка – и поговору, и внешне. Еще было три брата: старший, Григорий, фронтовик, после войны поселился в Ленинграде, средний, Петр, тоже воевал, потерял ногу, вернулся в Нарым, там жил до самой кончины, младший, Алексей, также коротал свой век в деревне на севере. Там же, в среднем течении Оби, после тяжелого ранения в 1942 году оказался мой отец, юный лейтенант Коля. Там он познакомился с мамой. А жениться не мог, ведь так называемые спецпереселенцы и члены их семей находились под надзором, словно зэки. Жених Коля – офицер, член партии, невеста Анна – неблагонадежная, почти враг народа. Что делать? Мама, как я понял, отреклась от своего отца. Ужас... Как это можно – отречься от своего отца? Но ведь и выхода у нее тогда не было. Или отречься, или забыть про замужество. Три ее брата – я это хорошо помню – долгие годы не могли ей этого простить. И их тоже ведь можно было понять.

Этот крест мама несла всю свою жизнь. Она была сломлена этой историей, ни на кого не похожа, я встречал ее братьев и тетку Марию – совсем другие люди. Мать – всегда нездоровая, нервная, изломанная, находиться с ней рядом больше одного часа было невозможно. Я думаю, она и себя, навер-

ное, простить не могла. Извелась вся.

Не дай Бог кому-то оказаться перед таким выбором: или предать своих родителей, или предать свою любовь.

Тетка Мария – типичная южанка, темпераментная: ха-ха, хи-хи, а братья, наоборот, суровые, насупленные, настоящие таежники.

Родителей мамы, то есть бабуку и деда, живьем я ни разу не видел. О них даже и говорить в нашей семье было невозможно. Словно их и не было никогда. Табу.

Мой отец, тогда юный офицер-фронтовик двадцати трех лет, вопреки настойчивым рекомендациям своих командиров женился на маме, на дочке кулака. Из-за этого его военная карьера пошла под откос. Сказали: забудь про академию. Сказали: так и прослужишь всю жизнь в этой тайге.

Зато там, в этой тайге, родились мы – я и мой младший брат Сережа.

Много позже, уже став взрослым, я понял, отчего у нас с братом никогда не было бабушек и дедушек.

Мама ушла, когда ей исполнилось семьдесят пять. И до самого конца (до середины 90-х) боялась, как бы та история с высылкой не помешала нам с Сережей идти по жизни. Ведь кадровики всегда были начеку. В начале 70-х в «Комсомолке» кадровичка Мария Григорьевна говорила мне, молодому корреспонденту: «Нет, у нас ты далеко не продвинешься». Мария Григорьевна была кадровичкой сталинской породы, она обладала нюхом на таких, как я. Будь ее воля, она бы ме-

ня и к «Комсомолке» на пушечный выстрел не подпустила.

Всю свою жизнь я собирался поехать туда, где родился, на север Томской области. А теперь уже и ехать не к кому.

Никогда ничего нельзя откладывать на потом.

Перед мамой осталось чувство вины. Не поговорил с ней по душам. Не согрел своим вниманием, не обнял, не выслушал, не постарался понять. И ничего уже не переделаешь, не вернешь.

* * *

Отец оказался долгожителем. Дотянул до девяноста одного. И только на закате стал скупно вспоминать про войну. Прежде отмалчивался, как, собственно, и все другие настоящие фронтовики, кто полной мерой хлебнул окопной жизни.

В девятнадцать лет летом 1941 года он попал на фронт – из курсантов пехотного училища, недоучившись, был сразу произведен в лейтенанты, назначен командиром пулеметной роты и брошен в бой.

Да какой там бой... Судя по его рассказам, все время отступали, попадали в окружение, связи с командованием не было, паника, голод, безоружные, растерянные, не ведавшие, где фронт, где тыл... Дивизия состояла из московских ополченцев. Пушечное мясо. Выдали им винтовки времен наполеоновских войн, да и то не каждому. И обмундировали кое-как: кому шинель, кому каску, кому ремень... И вот эти

ополченцы с допотопными ружьями сумели отстоять Москву.

Он мне потом показывал: деревня Крюково, Подрезково, Ленинградское шоссе... Там первый раз ранили. Там кончилось отступление.

Однажды, накануне очередного юбилея, к отцу приехали с телевидения, стали записывать его воспоминания. Он рассказывал:

«После боев под Москвой в 1942 году я попал на Северо-Западный фронт в 7-ю гвардейскую дивизию. Эта дивизия получила особое задание по окружению и уничтожению 16-й немецкой армии под Новгородом, в районе Валдая. Мне присвоили очередное воинское звание, повысили должностной оклад. Через полгода обещали еще досрочно присвоить звание, если доживу.

Нас погрузили в эшелон, затем на станции Бологое высадили, там выдали маскхалаты, лыжи (умеешь – не умеешь на них ходить, надеваешь и идешь) и отправили в длительный поход до Демянска.

Остановились мы у населенного пункта Рамушево, немного до Демянска не дошли. Этот населенный пункт нам приказали взять. И вот в тех боях меня дважды ранило. Первый раз в руку. А потом в живот с выходом через тазобедренный сустав с повреждением какой-то подвздошной кости. И все, я вышел из строя. Хорошо, что был в тот день голодный, кишечник мой был совершенно пустой. Когда меня в

городишке Крестцы оперировал хирург фронта Бурденко, в честь которого потом военный госпиталь называли, он сказал: «Ну, лейтенант, тебе повезло, что ты голодный был. Если бы ты был сытый, то ты бы не выжил, мы бы тебя не спасли. А так, может быть, еще поживешь».

Меня погрузили в эшелон, в санитарный поезд, и отправили в Ярославль. Пролежал я там три месяца, раны никак не зарастали, не заживали. И опять меня погрузили в санитарный поезд и повезли куда-то на восток. Мы проехали Пермь, Свердловск, Тюмень, Омск, Новосибирск, потом вдруг повернули на север и привезли нас в Томск. Город оказался хороший, но глухой, дальше дороги не было – тупик. В Томске нас выгрузили, и там я еще четыре месяца пролежал в госпитале. Спасибо врачам, медсестрам – они меня подняли на ноги.

А воевать больше не пришлось, хотя я писал несколько рапортов, чтобы меня опять отправили на передовую. Но мне сказали, что теперь я могу только готовить пополнение для фронта в тылу, а самому воевать уже нельзя, что я не смогу самостоятельно передвигаться на дальние расстояния. Что делать? Пришлось смириться. Так до конца войны я и занимался подготовкой пополнения для фронта».

* * *

Однажды, это тоже было незадолго до его ухода, отец под

рюмочку вспомнил, как оказался на севере. После выписки из томского госпиталя его отправили для дальнейшего прохождения службы в дальний военкомат. Районный центр в глухомани. Сибирская зима. Единственный транспорт – гужевой, сани. Мороз стоял за сорок градусов, поэтому он больше не ехал, а бежал за санями вприпрыжку, чтобы согреться.

На четвертый день пути возница ему говорит: «Вот, слухивый, твоя деревня».

Отец глянул вперед: на высоком речном косогоре стояли избы, из труб вверх поднимался белый дым. Кругом заснеженная тайга. Тишина, даже собаки не лаяли, спрятались от мороза. Только скрип полозьев да фырканье лошадей. Он замедлил шаг, всматриваясь в свое будущее.

До войны Коля жил в Курской области, сын уборщицы, безотцовщина.

Он шел возле саней и смотрел вперед. Теперь этот край на многие годы должен был стать его судьбой.

* * *

Когда мне исполнилось пять лет, отца повысили в должности и перевели служить в областной центр, в Томск. Нам дали сначала комнатку в коммуналке, Совпартшкольный переулок, рядом с рекой. Потом отдельную крохотную квартиру в двухэтажном деревянном бараке с резными наличника-

ми на окнах, улица Коммунистическая, где мы прожили лет восемь, вплоть до того, как отца перевели в Кемеровскую область.

Отопление было, ясное дело, печным, поэтому каждую осень мне и брату выпадало трудное поручение наколоть поленицу березовых дров, которых хватило бы на всю зиму.

Боже, как противно было зимой вставать спозаранку, чтобы идти в школу. За окном тьма, стекла в инее, на улице трещит мороз, а из репродуктора доносится противный голос: «Доброе утро, товарищи! Начинаем утреннюю гимнастику». И под мерзкое брэнчание рояля: «И-и раз-два-три, ноги шире...» Ужас!

Едешь в трамвае – там тоже все стекла покрыты толстым слоем инея, ничего не разглядеть. Тьма. Мороз. Сибирь.

Еще из раннего детства вспоминается один воскресный день. Было лето. Мне лет семь или восемь. Отец берет с собой на рыбалку. Мы садимся на речной трамвай, и он переносит нас на другую сторону Томи. Это 50-е годы, по реке еще сплавляют лес, есть Нижний и Верхний склады с огромными штабелями бревен. Мы долго идем заливными лугами, мимо протоков и стариц. Стрекохут кузнечики. Терпко пахнут травы. Все ближе сосновый бор, который стеной стоит на высоком берегу. Отец выбирает подходящее для рыбалки место. Забрасываем удочки. Рыба там мелкая: пескарь, елец, редкие подлещики. Но нам хорошо.

С мамой и младшим братом Сережей. Томск, 1953 г.

Не помню, о чем мы говорили тогда, что еще было. Но в памяти прочно засело ощущение покоя и счастья. От чего оно шло? От солнечного дня? От большой реки? От соснового бора? От отца? От того, что он взял меня с собой на рыбалку?

Да это и не важно сейчас.

Конец 50-х. Мне двенадцать, я курсант Оренбургского суворовского военного училища. Жесткая была школа, зато, наверное, полезная. Оказаться далеко от теплого родительского дома, в казарме, жить по команде, терпеть и не хныкать – тяжело, но всякое лишение когда-то вознаграждается сполна.

Сам виноват. Как-то отец, придя со службы, обронил: им в военкомат пришла разнарядка из Суворовского училища на двух мальчишек из Томска. Я вскинулся: хочу! Мать долго сопротивлялась, а отец почти сразу сдался: ну хочешь так хочешь, неволить не буду.

Едва ли не с первых дней в Оренбурге я понял, что погорячился, однако сдавать назад было поздно, не по-мужски. Пришлось терпеть.

Утренняя пробежка и зарядка на улице – в любую погоду, хоть в дождь, хоть в мороз. Наряды вне очереди (сортир драить до зеркального блеска или ночью у тумбочки стоять, когда все спят). Летние лагеря на реке Сакмара и приказ прыгать в воду с пятиметровой высоты, а не прыгнешь – опять наряды вне очереди.

Эти наряды «вне очереди» сыпались на мою голову постоянно. Особенно от старшины взвода сверхсрочника Лопухина, этот взрослый человек отчего-то невзлюбил меня с пер-

вого дня.

– Суворовец Снегирев! – зловеще выкрикнул он, построив взвод.

– Я!

– Наряд вне очереди!

– За что? – обижался я.

– Два наряда вне очереди! – зверел Лопухин.

– Да что я такого сделал?

Старшина багровел. И с садистским удовольствием озвучивал окончательный приговор:

– Три наряда вне очереди и лишение увольнения. Вам все ясно, товарищ суворовец?

– Так точно! – соглашался я сквозь выступавшие на глазах слезы.

Ну а дальше – как положено: чистишь всю ночь картошку на кухне, трешь мастикой бесконечные коридоры, стоишь у тумбочки дневального по роте...

Командиром взвода у нас был майор Бузаев. Командиром роты – подполковник Данильченко. Начальником училища – генерал-майор танковых войск Овчаров. Только много позже дошло: все они прошли через фронт, были участниками «той» войны. Но тогда война была еще близко, о ней не любили вспоминать ветераны, не умели расспрашивать молодые.

А теперь уже и мы, мальчишки той поры, стали ветеранами. И кого-то уже и нет.

Валерка Б. пошел по линии военной контрразведки, я встретил его в 1981-м в Афганистане, в Герате. Ну сели, выпили, вспомнили. Какой-то он был странный в тот вечер – тревожный, глаза чужие. Никак не получался у нас душевный разговор. А на следующее утро Валерка попал в засаду. В цинке повезли его на родину в Новосибирскую область. Получается, чувствовал, видел свою судьбу?

Борьку П. сгубила извечная русская болезнь. Пошел по чекистской линии, контрразведчик. Но что-то надломилось в душе, сгорел быстро.

Саня К. хорошо двигался вверх, раньше других стал полковником, грушник, разведчик. Но потом облом: кто-то из предателей его засветил, сломал карьеру. Правда, он и на гражданке не потерялся, завел свой бизнес, пару лет назад встретил его в одном престижном месте – вполне состоявшийся человек.

Единственный пацан из нашего взвода стал генералом, командовал бригадой морской пехоты.

С Олегом Ш. в начале 90-х работали вместе, тщетно пытаясь вписаться в капитализм.

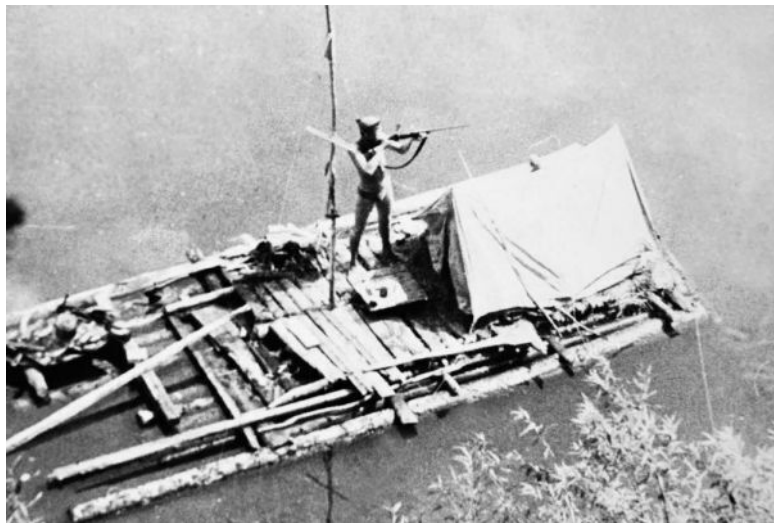
Увы, большинство как-то потерялись, растворились в этой долгой и непростой жизни, ничего не знаю про них.

Вот я написал вначале, что «кадетка» была хорошей школой. Но если по-честному, то надо признать: с тех пор я ненавижу ходить строем, меня воротит от запаха казармы и от звука передергиваемого автоматного затвора. Армия – дело

нужное, но в правильно устроенном мире совсем не обязательное.

* * *

Летом 1964-го мы, три закадычных друга, одноклассники по школе № 37, написали родителям записки с одинаковым текстом: «Уходим в поход. Не волнуйтесь. Вернемся через две недели». Спозаранку мы сели в электричку, приехали в город Новокузнецк, на автобусе добрались до берега реки Томь и стали строить плот.

Наш плот «Сфема». Река Томь, 1964 г.

Шел проливной холодный дождь. Мы вылавливали в реке редкие бревна, оставшиеся от весеннего сплава, крепили их привезенными с собой металлическими скобами и к вечеру, дрожа от холода, соорудили вполне приличное плавсредство. На нем был настил из досок, палатка, рулевое весло, мачта, а на корме – место для разведения костра и приготовления пищи.

На мачту мы водрузили флаг с названием корабля – «Сфема». Оно сложилось из первых букв наших фамилий: Снегирев, Федоренко, Маслов.

Мы столкнули плот с песчаной отмели и поплыли, ничегошеньки не зная ни про эту реку, ни про опасности, которые нас поджидают, ни про то, где мы завершим свой маршрут.

Это было замечательное путешествие. С бурными порогами в первые дни пути, с ночными вахтами (а плыли мы круглые сутки), с разными приключениями. Единственное огорчение ждало нас, когда спустя неделю мы миновали город Кемерово: после этого река стала пахнуть фенолом, и уже не было никакой возможности готовить на речной воде кашу и чай. Испортили химики реку.

И так мы доплыли почти до Томска, до моего родного, самого любимого города. Тут пришлось сойти на берег, потому что кончились продукты и деньги. В ближайшей деревне мы продали местной бабке остатки гречневой крупы, а на

вырученные копейки взяли билеты на автобус до города. А в Томске мои друзья.

Самое удивительное заключается в том, что экипаж «Сфемы» все последующие пять десятилетий оставался верен той школьной детской дружбе. И хотя живем мы далеко друг от друга, но созваниваемся и даже иногда встречаемся вместе. Украинец Витька Федоренко остался в Кузбассе, был шахтером, сейчас на пенсии. Потомок знаменитого мореплавателя Шурка Маслов-Беринг стал жителем Юго-Восточной Украины, инженером-коксохимиком, его все время приглашают на какие-то заводские наладки – то в Индонезию, то в Бразилию, то в Африку.

Иногда достаю из кладовки вахтенный журнал, всматриваюсь в поблекшие фотографии. Как же давно это было. А будто вчера...

* * *

Когда я оканчивал десятый класс, меня вызвали в горком комсомола и секретарь по идеологии Наташа Канторович в присутствии незнакомого человека неприметной внешности дала мне комсомольское поручение.

– Володя, – сказала она строгим голосом, – мы знаем, что в Суворовском училище ты изучал французский язык.

– Ну, это было давно, – ответил я, еще не понимая, куда она клонит.

– Мы также знаем, что ты регулярно покупаешь в киоске «Союзпечати» французскую газету «Юманите», – проявил свою эрудицию незнакомец.

Это было правдой. Учителя французского у нас в школе не было, и газета «Юманите» оставалась последней возможностью как-то совершенствоваться в иностранном языке, экзамен по которому предстояло сдавать при поступлении в университет.

– Так вот, Володя, – продолжала Наталья, – мы просим тебя, как комсомольца, взять шефство над одним французским мальчиком.

– Стать его постоянным и верным другом, – добавил незнакомец.

Тут я сильно удивился. Прокопьевск являлся такой заштатной дырой, что встретить там иностранца было никак невозможно. Легче было встретить инопланетянина, чем француза.

То гда секретарь горкома на пару с незнакомцем мне все объяснили. Оказывается, в город приехала уроженка этих мест, которую судьба давным-давно забросила во Францию. Там она вышла замуж, родила сына. И вот по какой-то причине (не помню уже – по какой) решила вернуться на родину. Естественно, соответствующие органы были этим очень встревожены. И хотя Прокопьевск не считался закрытым для иностранцев городом, там не было режимных объектов, но зато, как и везде, были соответствующие товарищи, зорко

следившие за порядком.

Больше всего их заботил сын этой репатрианки, рожденный от француза, ни слова не понимавший по-русски. Как он себя поведет, оказавшись в чужой среде? Не выкинет ли какого-нибудь фортеля? Не запросится ли обратно на родину?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.